

СОЛЪРЕСОЛЪ

Мы уже опубликовали в нескольких номерах (см. «Наука и жизнь» №№ 3, 7, 9, 1994 г.) статьи доктора филологических наук А. Дуличенко о проблемах, которые создает многоязычие. С одной стороны, каждый язык представляет собой такую же ценность, как и множество видов растительного и животного мира, и требует сохранения. С другой — многоязычие становится барьером, когда речь идет об обмене научной и культурной информацией.

В этом номере речь идет об интерлингвистике — науке об общем всемирном языке. Первым автором такого рода проекта принято считать древнеримского медика Галена, жившего во II веке после Р. Х., классические трактаты которого по медицине пользовались популярностью вплоть до позднего средневековья.

Попытки создать единый для всех язык предпринимались не раз: одни проекты были тщательно продуманными, другие — скорее курьезными, несмотря на то, что пользовались большой популярностью, как, например, «музыкальный язык» — сольресоль.

О том, какими путями развивалась интерлингвистика, и рассказывается в этой статье.

Доктор филологических наук А. ДУЛИЧЕНКО (г. Тарту).

О первом опыте Галена создать единый язык нам известно очень немного. Чуть больше — о том, как выглядел проект, разработанный настоятельницей Рупертбергского монастыря в Германии — Хильдегардой (1098—1170), который она назвала *ignota lingua* — «тайный» или же «незнакомый язык», хотя на самом деле ничего особенно «незнакового» в нем не было, поскольку настоятельница составила его из древних языков — греческого и латинского.

В XVI веке на Востоке тоже появился оригинальный язык, названный балайбала (balaibalan), что в переводе означает «живой язык». Авторство в данном случае приписывается арабскому шейху Мохиеддину.

Рукописи шейха хранятся в Национальной библиотеке Парижа, содержат свой словарь, грамматику и образцы текстов, которые представляют собой смесь ряда языков — турецкого, арабского и персидского.

В XVII веке — в век Просвещения — вопрос о сознательно созданном языке начинает занимать умы не только отдельных людей. За теоретическое обоснование его взялись ведущие европейские философы. Тем более, что философия рационализма оказалась близок такой подход к языку, когда грамматические категории рассматриваются как воплощение категорий логических. В пользу строго выверенного языка, без «неправильностей», высказался, например, автор утопии «Новая Атлантида» Фрэнсис Бэкон (1561—1622).

Развернутую программу и подробное теоретическое обоснование философско-

го языка выдвинул Рене Декарт (1596 — 1650). Всеобщий язык представлялся ему чем-то вроде логического ключа, с помощью которого можно было бы расклассифицировать в логическом же порядке реалии мира и все отношения, существующие между ними. Кажущаяся безбрежность идей и понятий свелась бы после этого к незначительному числу наиболее общих единиц таким же способом, каким люди образуют бесконечное количество чисел, используя всего лишь десять простейших чисел (цифр). Идеи Декарта в области универсального языка оказали сильное влияние на развитие языкознания XVII—XVIII веков.

Рассуждения Бэкона и особенно Декарта заложили основы априорного направления в интерлингвистике, направления, где логико-философский язык — орудие прежде всего мышления, а затем уже общения — строится априори, то есть без учета реального языкового опыта человечества. Это направление и подход к построению языка останутся господствующим на протяжении XVII и XVIII веков, к нему обращались интерлингвисты и XIX века, и нынешнего времени.

Не будет преувеличением сказать, что, пожалуй, ни один крупный философ и ученый XVII века не обошел вниманием эту проблему.

Чешский гуманист и педагог Ян Амос Коменский (1592—1670) выступил в 1665 году с проектом всеобщего языка под названием *panglottia* — «всеязычие», «всеязык».

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716) высказал свои соображения на эту тему в сочинении «Новые опыты о человеческом разуме».

Ей отдал дань Исаак Ньютон (1643—1727). Рукопись его сочинения «О всеобщем языке» обнаружили лишь в 1936

● РАССКАЗЫ О ЯЗЫКЕ

Фреска Рафаэля «Афинская школа» (1509—1510), на которой изображены Платон и Аристотель, два величайших философа античности, каждый из которых внес свой вклад в развитие науки о всеобщем языке.

году. Молодой Ньютон сделал в ней наброски априорно-философского языка, в котором обозначение предметов и идей мира составляет словарь, а отношения между ними — грамматику. Как первое, так и второе Ньютон разбивал до мельчайших оттенков, вплоть до выделения таких предметов, действий и отношений, которые в живых языках практически никогда не выделяются специально ввиду их чрезвычайной тонкости и маловероятности появления в реальном общении и мышлении.

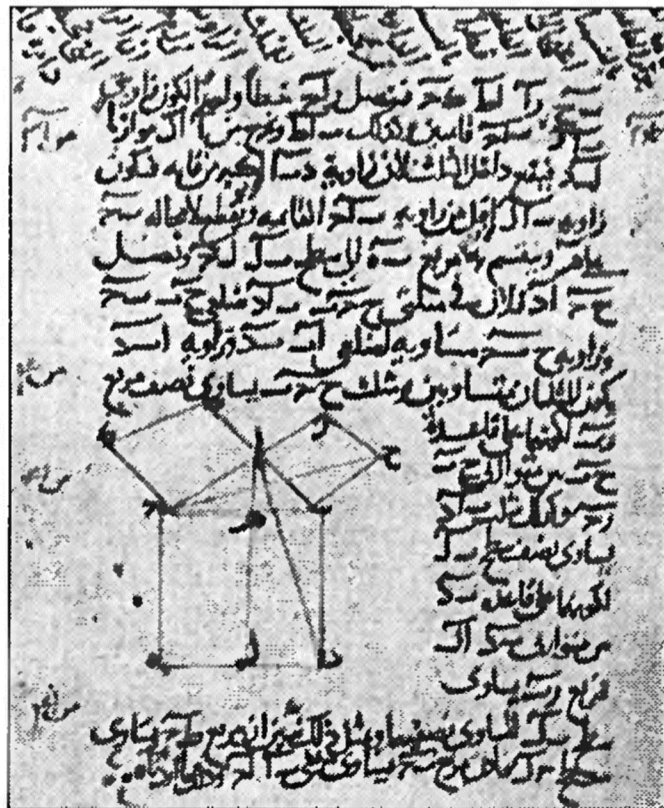
Например, элемент *t*-, выражающий живые существа, может присоединением «кирпичиков» (букв) дать слово *tol* «художник», на основании которого производится огромное число слов, так или иначе связанных с этим значением: *tolv* «побуждение к рисованию», *tolk* «холст, бумага для рисования», *tolf* «орудие для художника», *tolr* «рисование (процесс)», *tolth* «незавершенная картина», *tolg* «завершенная картина», *told* «то, что нарисовано», *toldr* «сущность нарисованного», *tolfr* «композиция и цвета картины», *tolp* «основная цель работы художника», *told* «побочная цель работы художника» и так далее. (Похожим путем, кстати, шел позднее и Г. Лейбниц.)

В юности всеобщим языком увлекался и великий физик Андре Мари Ампер (1775—1836). Утверждают, что на этом языке Ампер написал даже поэтическое произведение, причем не одно, но его

На этой французской гравюре, созданной в 1584 году, изображен Пифагор (ок. 580—500 гг. до Р. Х.) с магическим талисманом в руках. Пифагор разработал систему взглядов, согласно которой фундаментальная структура мира заключена в математических соотношениях. Им подчинялись и законы построения всеобщего языка.

Справа воспроизведен фрагмент рукописи (1258 г.) арабского ученого Аль-Туси, где изложено доказательство теоремы Пифагора.

Рассуждения Бэкона и особенно Декарта заложили основы априорного направления в интерлингвистике, то есть такого направления, где логико-философский язык строится априори, без учета реального языкового опыта человечества. Это направление оставалось господствующим на протяжении XVII и XVIII веков, к нему обращались интерлингвисты и в XIX веке.

Гравюра Ж. Эделинга с портрета Ф. Гальса. Рене Декарт (1596–1650).

работа, как и разработка Ньютона, не была опубликована.

Девятнадцатый век оказался особенно урожайным на проекты «всеобщих языков». Общее их число приближается к 250. Остановимся, пожалуй, на наиболее оригинальном из них: проекте, который разработал француз Жан-Франсуа Сюдр (1787—1862), — «всеобщий музыкальный язык» (*langue musicale universelle*), известный также под названием сольресоль (*Solfesol*).

Сольресоль вызвал большой интерес как в самой Франции, так и за ее пределами, особенно в Англии. «Всеобщий музыкальный язык» был в числе тех искусственных языков XIX века, ценность которых признали не только отдельные лица, но и крупные научные и государственные учреждения. Институт Франции в Париже на протяжении 30 лет четырежды рассматривал проект Ж. Сюдра. Достаточно солидные комиссии, в состав которых входили некоторые известные ученые того времени, в целом давали ему положительную оценку. В 1855 году сольресоль в качестве проекта всеобщего языка был представлен на Всемирной выставке в Париже.

Устроители выставки, учитывая оригинальность проекта, выдали автору помощь в 10 тысяч франков. На следующей выставке в Лондоне, в 1862 году, Сюдр удостоился почетной медали. Всеобщим музыкальным языком интересовался Наполеон III, которому Сюдр лично демонстрировал качества сольресоля. Интерес и внимание к делу Сюдра проявили и крупные европейские деятели XIX века, среди них — известный немецкий естествоиспытатель Александр Гумбольдт, французский писатель и политический деятель Альфонс Ламартин, известный француз-

ский писатель Виктор Гюго. После смерти Сюдра его вдова даже основала в Париже «Общество пропаганды всеобщего языка сольресоль», которое просуществовало до начала XX века. Руководитель Общества Болеслав Гаевский выпустил в Париже в 1902 году последнюю грамматику сольресоля. Но время решительно повернуло внимание сторонников идеи международного языка от априорных систем к системам, имеющим опору в реальном языковом материале, в реально функционирующих языках.

Почему же все-таки к сольресолю сохранялся интерес на протяжении многих десятилетий XIX века и почему он так и не стал всеобщим языком?

Как априорная система, сольресоль Сюдра повторял принципы аналогичных проектов предшествующих веков. Только Сюдр построил свой язык на базе международно принятых названий семи основных музыкальных нот.

Слова образуются посредством комбинаций семи нотных названий. В результате в сольресоле однослоговых слов оказывается 7, двуслоговых — 49, трехсловных — 336, четырехсловных — 2268 и, наконец, пятисловных — 9072. Основной словарный фонд составляют комбинации названий трех нот. Вот пример того, как Сюдр образует важнейшие понятия: *do-gedo* — время, *doresol* — месяц, *doremi* — день, *dorela* — год, *dorefa* — неделя, *doresi* — век.

В приведенных словах признак «времени» передается комбинацией первых слогов *do* и *ge* (*dore*), в то время как третий слог является дифференциатором: он конкретизирует «временное значение» порождаемых существительных.

Комбинации из четырех слогов делятся на классы в соответствии с начальной нотой: класс *do* — человек, класс *ge* — хозяйство, *mi* — действия человека и его характер. Образование частей речи строится на основе учета места ударения в слове: для существительного характерно ударение на первом слоге, для причастия — на втором, для прилагательного — на третьем, для наречия — на четвертом. Так, *sirefasi* (без ударения) — глагол «учреждать», *sirelasi* — конституция, *sirelasi* — составляющий. Перестановка слогов ве-

Разносторонность интересов Исаака Ньютона (1643—1727), которого вы видите на гравюре XIX века, хорошо известна всем. Но вот о его проекте всеобщего языка мы почти ничего не знаем, потому что Ньютон не опубликовал его при жизни.

дет к образованию слова с противоположным значением и тем самым к образованию антонимических пар слов: domisol «бог» — solmido «сатана», misol «благо» — solmi «зло». Таким образом, фразу «Dorela faremi sirelasi doremmi, doreffa, doressol» следует перевести так: «Год состоит из дней, недель и месяцев».

Но, пожалуй, самое примечательное в системе Сюдра то, что, воодушевленный идеей всеобщности, он сконструировал не просто письменно-звуковую систему, которая приравнивается к языку, но и систему полиформного типа. Если обычный язык может быть выражен лишь двумя способами — звуком и письмом, то сольресоль более универсален. На нем можно говорить, петь, писать с помощью латинского алфавита, с помощью нотных записей, с помощью особых стенографических знаков, посредством первых семи арабских цифр. Его можно проиграть на музыкальном инструменте, выразить семью цветами спектра и, наконец, особыми жестовыми знаками.

Полиформные качества сольресоля оставили далеко позади этнические языки и привлекли к себе внимание. Форма передачи сообщения цветом показалась особенно привлекательной французскому генеральному штабу и командованию флота. А форма выражения жестами была разработана одним из сподвижников Сюдра, чтобы обучить этому языку глухонемых.

Принципиальный недостаток системы Сюдра заключался в том, что она, основываясь на весьма малом числе звуко-слоговых элементов, стремилась как бы «выразить весь мир». Ведь названия 7 музыкальных нот давали лишь 4 гласные (a, e, i, o) и 6 согласных (d, g, m, f, s, l) звуков для языка, то есть всего 10. Более того, эти 10 звуков были закреплены за определенными слогами, и лишь комбинация этих слогов давала возможность увеличить словесные знаки до более или менее необходимого уровня, чтобы общение могло состояться. Однако эта ограниченность базовых элементов, несмотря на искусно разработанную комбинаторику, привела к тому, что опознать многие слова и формально (в звуковом плане), и грамматически, и семантически оказалось очень трудно.

Любой реально функционирующий язык состоит из элементов, которые достаточны для того, чтобы составленные на их основе слова можно было различать и четко угадывать заложенные в них

грамматические и семантические признаки. Этого-то и не хватало сольресолю. И в процессе общения это каждый раз приводило бы к путанице, что противоречит живой речи, легко самоорганизующемуся и легко движущемуся звуковому потоку. Собственно, этот недостаток был присущ практически всем априорно-философским проектам XVII—XVIII веков.

Отсюда и курьезность многих проектов. Быстро создав в голове набросок «совершенного языка», «открыватели» наталкивались на непреодолимые препятствия, когда наступало время детализировать проект, обосновывать вводимые в него элементы и правила. Так случилось с неким Е. Гуриным, опубликовавшим в 1896 году в Киеве проект априорного языка под громким названием «Прометей-просветитель» и под показательным псевдонимом «Д-р Н. Новодум».

Е. Гурин рассматривал своего «Прометей-просветителя» в качестве «нового языка как звуковой системы для энциклопедического знания и философского мышления»(!) Такой язык, утверждал он, может быть изучен в течение нескольких часов: на грамматику, «благодаря ее необыкновенной простоте», уйдет 5—10 минут, на правила образования слов — 10—15 минут, на словарь — несколько часов, но «лингвистическое открытие для всего человечества», однако, не состоялось. Причина проста. «Д-р Н. Новодум», стоя на пороге XX века, мыслил по-старому, повторяя ошибки тех проектов, о которых речь шла выше.

Практический успех выпал на долю другого направления в лингвопроектировании — апостериорного, разговор о котором требует отдельной статьи.